

Любовь без срока давности

Автор:

Ольга Коротаева

Любовь без срока давности

Ольга Ивановна Коротаева

В руках Нины чужие судьбы, но не ее собственная. У судьбы на личную жизнь нет ни сил, ни времени, но сердце хранит тайну: одна жаркая ночь с соседским юношей, который ещё мальчишкой обещал жениться... Но нет – он отслужит в армии и забудет о ней, да и разница в возрасте пугает!

Встреча после расставания перевернула жизнь. Чувства Вани не изменились, но изменился он сам...

Ольга Коротаева

Любовь без срока давности

Глава 1

Закрываю папку и откидываюсь на спинку кресла. Десятое дело отписано! Тру горящие – словно песок попал! – веки и зеваю так широко, что хрустят челюсти. Беру сотовый и смотрю на светящиеся в темноте цифры: полпервого ночи. Слышу урчание желудка, невольно морщусь: опять забыла поужинать! Теперь стану ночной жрицей – буду есть ночью. Поднимаюсь, ноющие колени едва разгибаются, и, сунув стопы в пушистые тапочки, выхожу из своей комнаты. Увидев светлый прямоугольник стеклянной кухонной двери, вздрагиваю. Со

стороны спальни родителей доносится богатырский храп отца, а это значит только одно.

- Эта девчонка! - шепчу зло.

Открываю дверь на кухню и слышу приглушённую, чтобы не мешать отцу, музыку. Мама, облокотившись спиной о стену, сидит за столом, веки её опущены, рот приоткрыт. Из маленького грязно-жёлтого приёмника доносятся отрывистые выдохи, словно кто-то убегает, и мрачная мелодия. Мама вздрагивает, резко выпрямив спину, смотрит на меня и облегчённо вздыхает:

- Напугала.

- Детектив слушаешь? - хмыкаю. Усаживаюсь на табурет и, устало упираясь в стол локтями, подаюсь вперёд. - Леська опять где-то шляется?

Мама слабо улыбается и виновато, словно это она принудительно послала дочь в ночной клуб, опускает глаза. Ухмыляюсь и набираю на сотовом сестру. Мама ни за что не ляжет, пока дочь не вернётся, и упрашивать бесполезно. Выход только один - дать Леське хорошего пенделя, чтобы летела домой аки на крыльях!

В трубке длинные гудки, затем короткие. Терпеливо набираю снова и снова: в клубе музыка такая, что услышать звонок просто нереально. Но это и не нужно. Когда Леська захочет сделать очередное селфи, то увидит пропущенные вызовы. И в зависимости от того, сколько их будет, зависит скорость, с которой она прискачет домой. Набираю, кажется, в десятый раз.

- Нинка! - раздаётся в трубке радостный голос. Сестра кричит не потому, что думает, что я глухая, просто она сама уже почти ничего не слышит. На фоне гулкого «тыц-тыц» Леська орёт: - Зачем звонишь?

Поднимаюсь и, быстро ретировавшись на лестничную площадку, осторожно прикрываю за собой дверь так, чтобы замок не защёлкнулся.

- Угадай! - хмыкаю. - Время хочу узнать! Не подкажешь?

- С кем треплешься? - слышу мужской голос.

- Сестра моя! - отвечает Леська.

- Зови сюда! - орёт мужик, и я вздрагиваю: это точно не Ванька!

- Ага! - смеётся Леська. - Она приедет! С ОМОНОм!

- Тогда завязывай! - грубо рявкает мужчина.

По спине моей ползут ледяные мурашки. Судя по голосу, он намного старше Леськи. Сестра пьяно хохочет, и я, сменив тактику, вкрадчиво интересуюсь:

- Похоже, тебе весело. Что за клуб? Надеюсь, это нормальное заведение, а не какой-нибудь притон?

Сестра смеётся:

- Нинка, это же «Голд»! Как можно обозвать притоном самый модный клуб города?

Вздыхаю с облегчением и уточняю:

- А Ванька с тобой?

- Ванька? - рассеянно переспрашивает Леська, и у меня холодеет затылок. - Не-а... Мне пора!

Слышу в трубке короткие гудки, а сердце просто грохочет. В ночной тишине многоквартирного дома кажется, что стук его услышит даже мама! Я осторожно захожу в квартиру и, подхватив из хрустальной вазы ключи от машины, засовываю в карман шорт удостоверение и сотовый. Приоткрываю дверь на кухню и, звякнув ключами перед собой, как можно спокойнее говорю:

- Mam, я за Лесей. Она позвонила, сказала, что такси не может поймать. Не жди нас, ложись спать!

Мама молча смотрит на меня, черты её смягчаются, взгляд полон благодарности. Киваю и торопливо выбегаю из квартиры. Зная, что Леська в безопасности, мама, скорее всего, ляжет спать и утром пойдёт на работу более-менее выспавшаяся. Сбегаю по ступенькам и распахиваю железную дверь. Короткий скрип и звучный хлопок остались позади, а я бегу к своей крошке. На ходу нажимаю на пульте кнопку, пикает отключённая сигнализация. Распахнув дверцу, плюхаюсь на сидение и тут же выстраиваю маршрут на навигаторе. Это Леська наизусть знает все клубы города, а мне, дни и ночи прикованной к работе, придётся повозиться, чтобы найти этот так называемый модный «Голд»!

Кручу руль и вынырываю из спального района на широкую улицу, наполненную ночными огнями и рекламой так, что возникает ощущение, будто окунаешься в безумный танец тысячи новогодних ёлок. Навигатор показывает всего пять километров, но я нажимаю педаль газа до упора, смело обгоняя другие авто. Очень уж не понравился мне грубый голос мужика. И где Ванька? Соседский мальчишка с серьёзным лицом, который часто приходил к нам в гости и смотрел грустными серыми глазами. Они с Леськой неразлучны, кажется, лет с пяти. С тех самых пор, как мне приходилось после школы сидеть с ними обоими до позднего возвращения кого-либо из мам.

Навигатор сообщает, что я на месте, и я давлю на тормоз, высматриваю среди бесчисленного количества машин где бы припарковаться, но мест нет. Стоянка перед зданием, сияющим миллионом разноцветных огней, просто забита. Действительно модный клуб. У входа замечаю длиннющую очередь. Вот блин!

Останавливаю машину на обочине, заглушаю двигатель. Схватив ключи, выскакиваю и нос к носу сталкиваюсь с полицейским.

– Здесь парковаться не положено! – раздражённо рявкает тот. – Уберите машину!

– Я на пять минут, – в спешке бросаю я, но страж порядка хватает меня за локоть.

Вижу каменное выражение его лица, обречённо вздыхаю, сую руку в задний карман шорт и вынимаю корочки мирового судьи. Раскрываю перед его глазами и тоном нежной куртизанки говорю:

– Я на пять минут! Но если вы нетерпеливы, можете поступать так, как вам заблагорассудится!

Мужик меняется в лице: щёки его напоминают спелый помидор, вытаращенные глаза, кажется, сейчас вывалятся из орбит. Оставляю его размышлять о том, что понадобилось судье в ночном клубе, и бегом пересекаю улицу. Плевать, что в неположенном месте, в ушах звучит грубый голос: «Тогда завязывай!», и тревога за сестру растёт с каждой минутой.

Двигаюсь напрямик к здоровенному мужику, голова которого, кажется, растёт сразу из накачанных плеч. Охранник окидывает меня таким взглядом, словно я ошиблась не то что заведением, а миром. Ну конечно! В «Голд», судя по одежде желающих попасть в клуб, принято являться в дизайнерских платьях, и моя однотонная футболка явно не вписывается в дресс-код. Вздыхаю и снова раскрываю корочки:

– Я по срочному делу!

Охранник кивает и, не обращая внимания на возмущённые выкрики из очереди, пропускает. Открываю дверь, и невероятный шум оглушает меня, вибрирующие басы сбивают ритм сердца, влажная духота заставляет дышать глубже и чаще. Проталкиваясь среди танцующих, пытаюсь рассмотреть стройную фигурку сестры. У Леси не так уж много нарядов, очень надеюсь узнать её, даже оказавшись в этом безумном хаосе.

Вот слева! Канареечно-жёлтое платье, длинные светлые волосы, мужчина средних лет рядом. Это она? Бросаюсь к парочке, как вдруг люди, словно воды, расходятся передо мной, разделяя Леську и её грубого спутника. Сестра теряется в толпе, а мужик замирает, беспомощно рассматривая толпу злым взглядом.

Облегчённо вздыхаю, радуясь, что сестра улизнула от опасного субъекта, как тут же снова начинаю переживать за глупышку и выискиваю в толпе её ярко-жёлтое платье. Музыка звучит уже другая, ведущий что-то вещает, но я не прислушиваюсь к словам, пытаюсь пробраться сквозь толпу в сторону, где исчезла Леся. Гул нарастает: люди кричат, раздаётся дикий пронизывающий свист и тонкий зубодробильный девичий визг. Оглушённая, вздрагиваю и оборачиваюсь в ту сторону, куда смотрят все.

На площадку, которую освободили танцующие, медленно, театрально подтягивая ноги, выходит фигура в чёрном. Мешковатая одежда, мягкие, будто кошачьи, повадки, полумаска цвета чёрного серебра... Местная знаменитость? Этого ещё не хватало! Теперь продрасться сквозь толпу будет ещё труднее.

Юноша начинает ритмично двигаться, и взгляд мой помимо воли всё чаще обращается к танцору. Сердце замирает так сладко, словно мне снова двенадцать и я в хип-хоп группе, носком балетки невольно отбиваю ритм, всё более увлекаясь рисунком танца. Сложные многогранные движения, идеальная отработка, полный контроль над телом. Поддавшись магии танца и не в силах отвести взгляд от парня, испытываю эйфорию. Неподражаемо! Ощущаю, как по щеке покатились слезы и, мгновенно собравшись, смахиваю её. Расчувствоваться из-за прекрасного танца, когда сестра может быть в опасности? Как глупо!

Озираюсь в поисках Леси, подпрыгиваю, пытаюсь рассмотреть хоть что-то жёлтое. Сердце пропускает удар: вон она! Уже у самого выхода. А вдруг тот мужик тоже её заметил? Пытаюсь протиснуться между людьми, но те стоят чрезвычайно плотно и, наслаждаясь выступлением, ритмично двигаются, словно один большой организм. Я ощущаю трение о потные тела и тычки со всех сторон при каждой попытке. Отчаявшись, решаюсь пройти через площадку, на которой идёт выступление. Выскакиваю и, щурясь в свете софитов, растерянно замираю. В какой же стороне выход? Проклятые прожекторы!

Крики стихают, и я ощущаю тысячи взглядов, прикованных ко мне, словно это неприятная щекотка. Стою, а по спине уже медленно ползёт капля холодного пота. Зачем я это сделала? Как теперь быть? В свете софитов стою, ощущая себя голой в простой одежде и без макияжа. Слыша смешки и свист, съёживаюсь, но, ощутив, как моего локтя касается тёплая ладонь, поднимаю голову.

Тот самый танцор. На лице улыбка, глаза влажно мерцают в прорезях полумаски. Кивает и, отпустив меня, поворачивается, поднимает руку, мягко совершает телом волнообразное движение, заканчивает его, акцентируя резким рывком ноги. Сердце моё замирает: я знаю эту связку!

Парень отступает и, коротко кивнув, поднимает руку ладонью вверх, словно приглашая меня на танец. Сердце моё начинает отбивать сумасшедший ритм, дыхание замирает. Я, словно под гипнозом, поворачиваюсь и волной ухожу в партер, усложняя связку, резко выбрасываю руку, передавая очередь партнёру. Он улыбается и, подхватывая ритм, входит в новую связку. Её я тоже знаю!

Кровь моя закипает, в голове становится пусто, а сердце наполняется давно забытой радостью. Всё вокруг перестаёт существовать, остаётся лишь музыка, наши тела и ритмичные движения...

Музыка смолкает, и зал взрывается аплодисментами. Крики и свист приводят меня в чувство. Да что я творю! Вырываю ладонь из руки партнёра по импровизации и, вытягивая шею, ищу канареечное платье сестры. Жёлтого пятна не видно, и я отчаянно продираюсь к выходу. У двери замираю и, оглянувшись, перевожу дыхание: откуда тот парень знает эти связки? Это же было невероятно давно! Встряхиваю волосами – какая разница? – и распахиваю дверь.

Очутившись в тёмной подворотне, понимаю, что это не тот выход. Наверно, запасной. Дверь за мной захлопывается, раздаётся щелчок замка: в клуб мне уже не вернуться. Судорожно рассматриваю серые стены, цветные подтёки на асфальте, тёмно-зелёные мусорные баки, закрытые на цепь ворота из сварной сетки. Слышу стон, и сердце замирает. Бросаюсь туда, но вместо сестры вижу троих парней.

– Вы тут девушку не видели? – торопливо спрашиваю. – Светлые волосы, жёлтое платье...

Они смотрят на меня, но взгляды парней пусты. Замечаю, как в руках одного остро сверкает игла, а плечо другого, на вид лет шестнадцати, обмотано резиновой лентой, и сердце, кажется, проваливается в желудок. Отступаю, но с языка слетает:

– Немедленно брось это! – Голос мой дрожит, срывается на фальцет. – Или я вызываю полицию...

– А! – оживает один из парней и, казалось, только сейчас заметив меня, поднимается: – Mamочка явилась!

– Держи её, – криво ухмыляется второй. – Повеселимся!

Первый хватает меня за локоть, я вскрикиваю от резкой боли в руке, пытаюсь вырваться, но тут подскакивает и второй. Чувствуя на теле липкие руки, кричу, но холодная ладонь закрывает мне рот. Ощущая кожей их рваное дыхание,

содрогаюсь от омерзения. Раздаётся треск ткани, грудь сжимают чьи-то пальцы. Мотаю головой, пытаюсь укусить руку, зубы скользят по потной коже.

Гадкий смех, мерзкие комментарии, меня прижимают к холодной стене, бетон царапает кожу плеч. Ощувив противные прикосновения к бёдрам, сучу ногами, пытаюсь не дать стянуть с себя шорты. Ощущаю жуткое прикосновение металла и замираю от ужаса, один из парней разрезает ткань шорт. Паника сжимает горло, в висках стучит кровь. Хотела вернуть сестру, а сама теперь на грани того, чтобы стать изнасилованной малолетками! Незащищённую промежность трогает прохлада, и я, отчаянно вырываясь, пинаю руку того, что с ножом. Раздаётся звон упавшего металла. Кричу изо всех сил.

- Твари! - вторит мне чей-то голос.

Руки, удерживающие меня, исчезают, и я отползаю, поспешно тяну вниз край превратившихся в юбку шорт. Удерживая разодранную футболку, с трудом перевожу дыхание и смотрю на гадов. Их уже четверо... Но один, кажется, не из компании подонков. Размахивая руками, словно мельница, он обрушивается на насильников. С изумлением узнаю того самого танцора.

Но вот мой спаситель пропускает удар и падает. С ужасом смотрю на сжавшееся тело, едва различимое меж мельтешения ног: его же забьют до смерти!

Шарю по карманам, в панике оглядываюсь: где мой сотовый? Выпал? Замечаю, как дверь в клуб медленно закрывается. Кто-то выглянул, но, испугавшись драки, сбежал. Ещё секунда, и путь к спасению будет отрезан! Подрываюсь с места так, словно от этого зависит моя жизнь. Возможно, так и есть. А жизнь моего спасителя точно! Одним прыжком, словно супермен, преодолеваю пару метров до двери и просовываю пальцы в уменьшающуюся щель, от боли в прижатых костяшках сжимаю зубы. Успела! Поднимаюсь на колени и, не обращая внимания на ободранную об асфальт кожу, распахиваю дверь и кричу изо всех сил:

- Пожар! Спасайся кто может! - От ужаса умудряюсь перекричать музыку. - Пожар! Пожар! Звоните ноль один!

Раздаётся испуганный визг, мой крик вторится, троится, и вот уже из клуба в панике выбегают люди. Отползаю в сторону, чтобы не быть раздавленной и,

дрожа всем телом, приваливаюсь к стене. Подонки бросились наутёк, а на асфальте, прижимая руки к лицу, едва шевелится мой спаситель. Смеюсь, а по щекам текут слёзы: живой! Из клуба, крича, вываливаются люди, в подворотне становится людно. Хватаю кого-то за брюки:

- Помогите!

Меня поднимают, и я стыдливо прижимаю к голой груди разодранную футболку, одёргиваю штанины разрезанных шорт. Танцор тоже медленно, держась за стену, встаёт и, покачиваясь, отчаянно вертит головой. Наши взгляды встречаются, и парень отталкивается от стены. Хромая и расталкивая людей, подбегает ко мне и, схватив за руки, хрипит:

- Нина, как ты? Они ничего не успели сделать? Нина!

Я изумлённо смотрю на своего спасителя: откуда он знает моё имя? Народ волнуется, раздаются крики. Кто-то просит вызвать пожарных, кто-то полицию. Вздрагиваю: только не это! Мама узнает, и дело закончится сердечным приступом. Громко прошу:

- Не нужно никого вызывать. Пожара нет! Простите.

- Но на вас же напали! - гудит мужской голос справа.

Поворачиваю голову и вижу человека в форме. Охранник? Мрачно отвечаю:

- Те подонки сбежали. И если только у вас тут нет камер, то привлечь их к ответственности не удастся.

- Нет камер, - искренне огорчается мужчина.

Пожимаю плечами: разумеется! Он поспешно стягивает пиджак и накидывает мне на плечи, благодарно улыбаюсь, охранник виновато ретируется. Толпа быстро редет, я облегчённо вздыхаю. За руку тянет тот самый танцор.

- Нина, с тобой всё в порядке?

Осторожно трогает моё плечо, поворачиваюсь к спасителю:

– Кто же ты? Откуда меня знаешь? – Протягиваю руку и, стянув гладкую пластиковую полумаску, скриплю зубами: – Ванька? – Бросаю серебристый пластик на асфальт с такой злостью, что тот разлетается на куски. – С ума сошёл?! Зачем полез?

Ваня бледнеет, пальцы рук сжимаются в кулаки:

– А мне нужно было просто стоять и смотреть?!

Ощувив слабость, опускаюсь на корточки и, глядя на его содранные в кровь костяшки пальцев, ворчу:

– Дурак! Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы не смогла посмотреть в глаза твоей матери. – Поднимаюсь и, схватив соседа за запястье, тащу к двери. – Отвезу тебя в больницу.

Он вырывается, опускает глаза:

– Не надо. Я в порядке.

Нетерпеливо рычу:

– В порядке?! А если у тебя перелом рёбер? Не прощу себе...

– Это я себе не прощу, – упрямо говорит тот и, посмотрев на меня исподлобья, добавляет: – Это моя вина!

Брови мои лезут на лоб:

– Что?! Ты-то тут при чём? Это всё из-за Леськи! Найду – уши откручу! Модный клуб? Да она больше и шага из дома не ступит после десяти. Как подумаю, что эти подонки могли на неё напасть, сердце останавливается!

Шарю по пустым карманам в поисках телефона, оглядываюсь и замечаю тёмный прямоугольник у мусорного бака. Поднимаю и, убедившись, что сотовый работает, набираю сестру. Леська, не давая мне и рта раскрыть, тараторит:

- Да дома я, дома! Наслаждайся!

Только собираюсь расписать Леське весёлую жизнь, которая наступит у сестры с этого дня, как та отключается.

- Вот мелкая! - рычу. - Устроила мне ночь экстрима! Хорошо, что дома... Ух!

Сжимая в руках телефон, пытаюсь придумать для сестры наказание помучительнее. Ваня, тронув себя за бок, тихо охает. Вздрагиваю:

- Едем в больницу!

- Нет, - упрямо отвечает тот. И тихо спрашивает: - Можешь подвезти меня до дома?

Иронично щурюсь:

- Чтобы твоя мама в обморок упала от такого счастья?

- Она в командировке, - бурчит Ваня.

Осматриваю его.

- Хорошо, что в маске был, лицо почти не пострадало. - Осторожно трогаю кровоподтёк на шее, Ваня замирает, кусает нижнюю губу. Вздыхаю и, поднимая с асфальта выпавшие во время борьбы удостоверение и ключи от машины, говорю: - Ладно. По пути заедем в аптеку.

Захожу в распахнутую дверь, мгновенно оглушает музыка. Темнота и яркие вспышки заставляют сердце биться быстрее, вокруг ритмично двигаются разгорячённые тела, меня задевает кто-то, с плеча соскальзывает пиджак, грудь оголяется. Неожиданно горло сжимает страх, ужас пережитого возвращается вмиг, паника холодит вены. Меня окружают чужие потные тела, а в памяти

возникают противные руки, рваное дыхание насильников. Не в силах дышать, застываю на месте, лицо словно покрывается коркой льда...

На затылок ложится тёплая ладонь, Ваня прижимает меня лицом к своей груди. Чувствую его руку, вдыхаю запах парфюма, который сама подарила на восемнадцатый день рождения соседа, сердце продолжает биться, дыхание восстанавливается. Ваня, закрывая моё лицо, ведёт меня сквозь безликую толпу. Шум тает позади, свежесть ночного воздуха приносит облегчение, отстраняюсь от парня.

- Спасибо.

Он кивает, смущённо отводит глаза, поспешно продеваю руки в рукава, запахиваюсь в пиджак охранника и быстро иду к своей машине. Понимаю, что прижималась к соседу слишком сильно, и тот явно чувствовал неловкость от прикосновения к моей оголённой груди. Стыд царапает нервы, но тут же тает в растущей злости.

Сейчас просто жажду встретить полицейского, который, вместо того чтобы ловить подонков, разгоняет паркующихся, но охранника правопорядка нигде не видно. Разочарованно вздыхаю и, радуясь, что пиджак охранника скрывает мне ноги почти до середины бедра, усаживаюсь на водительское сидение. Можно вести машину, не сверкая промежностью. Ваня молча садится рядом, избегая встречаться со мной взглядом. Шепчет:

- Прости.

Яростно давлю на ручник, рычу:

- Вот заладил! Ты тут ни при чём. И вообще... Ты же спас меня! Если бы не ты...

- Если бы не я, ты бы не попала в беду, - тихо, но уверенно, говорит Ваня. Поднимает лицо, глаза его влажно блестят: - Это я попросил Лесю сделать так, чтобы ты пришла в «Голд».

Замираю в растерянности:

– Зачем?

Молчит, отводит взгляд. Вздыхаю и завожу машину, выруливаю на полупустую дорогу, мимо летят огни ночного города. Ваня сидит, насупившись, не отрывает от окна напряжённого взгляда. Посматриваю на него, хмыкаю:

– Знаешь, я на минуту словно перенеслась в прошлое. Ещё недоумевала, откуда ты знаешь те связки.

– Ты сама меня научила, – не поворачиваясь, бурчит Ваня.

– Я не учила, – насмешливо улыбаюсь я. – Когда приходилось нянчиться с вами, отрабатывала движения, а ты сам повторял за мной, как мартышка. Забавно вспомнить!

Он поворачивается, пронзает странным взглядом:

– Забавно?

Недоумевающе смотрю на него, пожимаю плечами:

– Не хотела тебя обидеть. Леся говорила, что ты занимаешься танцами, но я и предположить не могла, что ты так увлечёшься. – Поворачиваю машину к вывеске, на которой изображён крест: – Кажется, начинаю понимать. Ты хотел показать мне, чего добился? – Нажимаю на тормоз, кручу руль и, поглядывая в зеркало, припарковываюсь. – Только зачем было заманивать меня в клуб? Подойти и пригласить на выступление ниже твоего достоинства?

– Хотел сюрприз сделать, – бурчит Ваня.

Горько усмехаюсь:

– Сюрприз удался! Прикуплю, пожалуй, что-нибудь от нервов.

Выцарапав пару купюр и мелочь из подстаканника, выскакиваю из машины и быстрыми шагами направляюсь в аптеку. Выбирая лекарства, думаю о Ваньке. В детстве я часто смеялась над мальчишкой и его попытками повторить за мной

сложные связки. Сейчас понимаю, что перегнула палку. Запало в душу ребёнка желание доказать, что может. Вот и доказал. Много лет упорно трудился и достиг хорошего уровня, а я давно забыла обо всём. Колюче шевельнулась совесть. Схватив пакет с лекарствами, возвращаюсь к машине, смотрю на молчаливо сидящего парня, вздыхаю:

– Извини.

– За что? – поднимает глаза тот.

– Не думала, что тебя так заденут мои слова. – Сажусь в машину и тепло улыбаюсь ему: – А ты молодец! Круто танцуешь. Считаю, что доказал мне, что можешь, и отомстил за неверие и насмешки. Признаю своё полное поражение.

Ваня смотрит на меня, уголки его губ опускаются. Пожимаю плечами, завожу машину. Ну что я опять не так сказала? Сосед молча отворачивается, дорога до дома проходит в напряжённом молчании. У двери в квартиру протягиваю пакет:

– Смажь синяки.

Отводит мою руку:

– Ты и сама пострадала.

Приподнимаю брови:

– У нас дома есть аптечка. Не переживай, я о себе позабочусь. Спокойной ночи. И... спасибо. Как бы там ни было, ты спас меня.

Сую пакет ему в руки и разворачиваюсь. Ваня берёт меня за руку.

– Нина. – Окидывает меня выразительным взглядом. – А если твои увидят?

Вздрагиваю: если мама решила дожидаться меня, то вряд ли будет в восторге от моего вида. Ваня кивает:

– Я найду тебе что-нибудь.

Отпирает дверь и ныряет в черноту квартиры, загорается свет, и я медленно прохожу в прихожую. Знакомый с детства запах Ваниной квартиры окружает меня, я словно вновь погружаюсь в прошлое. Сосед тщательно прикрывает дверь, щёлкает замок. Ваня торопливо идёт в комнату. До меня доносится его напряжённый голос:

– Хочешь принять душ?

Ёжусь, ощущая себя неловко, но киваю:

– Хорошая идея.

Он выходит навстречу, суёт мне в руки трикотажные шорты и футболку.

– Тебе должно подойти. Всё чистое.

Киваю и разворачиваюсь в сторону ванной комнаты. Забота соседа приятна, но ощущение неловкости не покидает. Может, дело в том, что он видел меня полуголой, да ещё в такой жуткой обстановке. Вздыхаю, обхватив себя руками, закрываю глаза и, подставив лицо под прохладные струи, представляю, как вода смывает с тела чужие прикосновения. Саднят ободранные колени, ноет плечо. Осторожно вытираю капли вокруг ранок и натягиваю одежду Вани. Свои вещи складываю в стопку и решаю утром всё сжечь. А вот пиджак нужно отдать в химчистку да вернуть сердобольному охраннику.

Выхожу из ванной комнаты, взгляд натывается на Ваню, который, сидя на диване, пытается смазать спину кремом от ушибов. Вздыхаю и, сунув рваные вещи в пакет от лекарств, присаживаюсь рядом с соседом, беру из его пальцев тюбик:

– Я помогу.

Смотрю на обширный синяк между лопаток, и сердце сочувственно сжимается. Опускаю глаза и, выдавив немного крема, осторожно прикасаюсь к повреждённой коже. Ваня судорожно дёргается, на его напрягшейся спине

отчётливо проступают мышцы.

- Больно? – тихо спрашиваю я. – Прости.

Стараюсь распределить крем как можно нежнее, но Ваня продолжает вздрагивать от каждого прикосновения. Плечи его вздымаются всё чаще. Он с шумом выдыхает и странно косится на меня. Поднимаюсь и осматриваю его плечи, замечаю кровоподтёк на боку и, осторожно опустившись на корточки, прошу:

- Выпрямись, я намажу и тут.

Касаюсь повреждённого бока, Ваня впивается в край дивана побелевшими пальцами.

- Боюсь, сломано ребро, раз тебе так больно, – озабоченно бормочу я и, смазав царапины, понимаю глаза на его лицо: – Может, всё-таки отвезти тебя в больницу?

Он смотрит на меня сверху вниз, кадык на его шее дёргается, взгляд темнеет.

- Нет, – хрипло отвечает Ваня. Отворачивается и глухо добавляет: – Всё в порядке.

- Какой храбрый мальчик, – невольно улыбаюсь.

Ваня резко поворачивается, лицо его искажается, словно от вспышки гнева:

- Я давно уже не мальчик!

Резко подаётся вперёд так, что наши носы едва не соприкасаются, и так же неожиданно замирает, не сводя с меня пристального взгляда. Смотрю на его выступающие скулы, волевой подбородок, приоткрытые губы и, ощутив, как начинают заливаться краской щёки, отворачиваюсь. Бормочу:

- Действительно...

Осознаю, что нахожусь в опасной близости от весьма привлекательного лица полуголого мужчины, и поспешно поднимаюсь. Ваня тоже вскакивает, выхватывает тубик из моих пальцев и, надавив на плечи, заставляет сесть на диван:

– Моя очередь оказывать первую помощь.

Опускается передо мной на колени и, склонив голову, осторожно смазывает ободранные коленки. Морщусь от ноющей боли, но терплю. Ваня поднимает голову и смотрит на мою грудь, тут же отводит взгляд и говорит:

– Я видел, что плечо тоже ободрано...

Поворачивает меня и осторожно поднимает футболку. Добравшись до плеча, легко прикасается к болезненному месту. Вздрагиваю от холодного крема, Ваня легонько дует на ранку. Ощувив горячее дыхание, вскакиваю и, одёрнув край футболки, нарочито весело говорю:

– Спасибо! Я пойду. Если Леся ещё не спит, скажу ей, что ты дома и в порядке. Чтобы не придумала, что ты ушёл из клуба с какой-нибудь красоткой!

Ваня поднимается, и при взгляде на его широкую мускулистую грудь невольно отступаю. Сердце начинает биться быстрее. Да что со мной? Это же Ваня, соседский мальчик! Друг моей младшей сестрѐнки.

– Это будет правдой, – говорит он, и его голос непривычно вибрирует. – Ведь я ушёл из клуба с очень красивой женщиной.

По спине ползут мурашки, я нервно хватаю вещи и без лишних слов разворачиваюсь к выходу, но он снова останавливает меня. Растерянно смотрю на его пальцы, удерживающие запястье, а Ваня торопливо произносит:

– Леся помогла мне сегодня, потому что она мой самый лучший друг. – Поднимаю глаза на его взволнованное лицо. Ваня кивает. – Потому что она знает о моих чувствах. Давно уже знает!

Сердце замирает, пакет выпадает из рук. Может, это и не месть вовсе? От догадки волоски на руках встают дыбом.

– Я что, – растерянно уточняю, – нравлюсь тебе?

Ваня притягивает меня к себе и, обняв второй рукой, прижимается губами к моему рту. Смотрю на его закрытые веки, замечаю, как скользит вдоль носа прозрачная слеза. Тело бросает в жар, в голове сумбур. Как же так?

Ваня отрывается от моих губ, его горячее дыхание касается уха:

– Хочу тебя.

Тело моё словно молнией пронзает, руки дрожат. Отталкиваю его, лицо Вани становится напряжённым, словно он ждёт пощёчины. Сжав челюсти, вырываю руку и, повернувшись, хватаю ручку двери. Он обнимает меня со спины, горячие мужские ладони прижимаются к животу, рваное дыхание касается шеи.

– Что мне делать? Я в отчаянии, – шепчет Ваня. – Я ведь в армию уйду. Как подумаю, что не смогу целый год тебя увидеть, так сердце разрывается. Решил признаться. Хотел показать, чего достиг, чтобы ты гордилась мной! Но план с треском провалился. Ты пострадала, а я... дурак!

Пальцы безвольно соскальзывают с ручки, сердце замирает, по венам, кажется, разливается огонь. Поворачиваю лицо и, встретившись взглядом с Ваней, облизываю враз пересохшие губы. Он медленно с шумом выдыхает, руки его напрягаются, голова опускается. Ощущаю, как он медленно проводит губами по моей шее, и замираю, не в силах пошевелиться.

Ободрённый молчанием, Ваня нежно прикусывает мочку уха, у меня вырывается судорожный вздох. Медленно проводит тёплой ладонью по плечу, зарывается пальцами в волосы и, сжав кулак, требовательно наклоняет мою голову набок и впивается в шею жадными губами, оставляя на коже саднящий засос.

Дрожа всем телом, пытаюсь поймать его губы, но Ваня наклоняет мою голову в другую сторону, проводит языком по коже, нежно покусывает шею. Внутри словно разгорается пламя, сжимаю колени, ощущая растущее желание,

обхватываю руками голову Вани, притягиваю к себе, ловлю короткий поцелуй.

Ваня резко отстраняется и, развернув меня, рывком прижимает своим телом к двери. Застонав, сжимаю его напряжённые плечи и, осыпая лёгкими поцелуями гладкую мускулистую грудь, теряю последние капли самообладания. Снова пытаюсь поймать его губы, но, ощутив, как волосы мои вновь в его хватке, подчиняюсь и запрокидываю голову, подставляя шею. Вырывается стон, руки обвиваются вокруг его талии, терпкий мужской аромат кружит голову.

Ваня медленной сладкой пыткой целует мои плечи, рука его ныряет под футболку, пальцы нежно проводят по ареоле соска, сжимают его. Опускаю руки, проводя ладонями по упругим мужским ягодицам, прижимаюсь к Ване всем телом и, ощутив силу его возбуждения, шепчу:

- У тебя есть презерватив?

Он отстраняется, испытующе смотрит на меня, губы подрагивают. Ощущая лёгкое разочарование, выдыхаю:

- Ничего. Можно и иначе...

Ныряю пальцами в его брюки, но Ваня резко отстраняется и, неожиданно рассмеявшись, подхватывает меня на руки. Испуганно пискнув, обхватываю его шею, смотрю в искрящиеся радостью глаза.

- Есть! - кивает он и подмигивает: - Много.

Несёт меня в свою комнату, аккуратно опускает на односпальную кровать и, сев рядом, наклоняется. Не отрывая от моего лица взгляда, проводит пальцами по щеке, отводит волосы, трогает губы.

- Я так счастлив...

Голос его дрожит, прерывается. Ладонь накрывает мою грудь, пальцы сжимают сосок. Закрыв глаза, выгибаю спину и подаюсь навстречу ласке.

- Нина, - зовёт он. Открываю глаза.

Ваня наклоняется и, приоткрыв рот, медленно и нежно проводит своими губами по моим, посасывая, усиливая давление, словно пытаюсь испытать меня до дна. Отдаюсь страстному поцелую и, обняв парня, впиваюсь ногтями в его спину. Ваня стонет, отдёргиваю руки, боясь, что потревожила его рану между лопаток. Но он прижимается к моему уху, жарко шепчет:

- Да, царапай меня, моя дикая кошечка!

Задирает футболку и, обхватив сосок разгорячёнными губами, страстно посасывает его. Запрокидываю голову и, вцепившись в Ванины волосы, подаюсь всем телом к парню. Ладонь его накрывает вторую грудь, пальцы теребят напряжённую горошину соска. Оторвавшись, Ваня скользит губами по моему животу, нетерпеливо стягивая трикотажные шорты. Не обнаружив трусиков, рычит от возбуждения. Всё во мне сладко замирает, когда он легко касается языком нежных складочек. Проникнув между ними пальцами, нежно посасывает бусину клитора. Перед глазами словно вспыхивают искры, дыхание перехватывает, напряжение в теле нарастает.

Ваня резко отстраняется и, не переставая ритмично проникать пальцами в моё лоно, впивается в губы жарким поцелуем. Опускает мою руку к клитору и, безмолвно требуя, чтобы я ласкала сама себя, продолжает гладить меня внутри. От его страстных поцелуев и нежных движений совершенно теряю голову. Постанывая, массирую клитор и, запрокинув голову, остро кончаю. Тяжело дышу, сердце бьётся редко и сильно.

Ваня вынимает свои влажные от сока пальцы и проводит ими по моим губам, жадно целует. Ощувив свой собственный вкус, испытываю дикое возбуждение от порочности парня. Моё ещё подрагивающее после оргазма тело снова напрягается, тлеющее желание разгорается с новой силой. Протискиваю руку в его брюки и обхватываю пальцами напряжённый член. Слегка сжав, тру нежную кожу. Ваня глухо стонет и, вытянув мою руку, хрипло говорит:

- Так будет слишком быстро. Я на грани...

Порывисто приподнимает меня и, стянув футболку, обматывает ею мои запястья. Вытягивает руки и тихо спрашивает:

- Не против?

Покачивая головой, ощутила, что краснею. Ваня поднимается и, не сводя взгляда с моего лица, снимает брюки. Надевает презерватив и пальцами осторожно расправляет его, а я люблю молодым поджарым телом, игрой мускулов под загорелой кожей, стараюсь не замечать свежих царапин. От возбуждения я и своих ран не ощущаю, надеюсь, он тоже.

Ваня улыбается и, опускаясь, медленно накрывает моё тело своим. Нетерпеливо двигаюсь навстречу, обхватываю ногами его талию, но Ваня слегка отстраняется так, что его естество лишь чуть касается набухших чувствительных складочек и нежно трётся о них, а я начинаю стонать. Слегка прикусив нижнюю губу, запрокинув связанные руки за голову, прикрываю глаза, отдаваясь желанию.

- Пожалуйста, - шепчу бесстыдно, - пожалуйста!

Но Ваня отстраняется и, разведя колени, склоняет голову над моим лоном. Посасывая клитор, ритмично проникает пальцами совсем в другое отверстие. Я вздрагиваю, пытаюсь отстраниться, но Ваня с рыком наваливается и, продолжая ласкать мою девственную дырочку, резким толчком входит в меня. Кричу от возбуждения, но мой рот закрывают поцелуем. Темп нарастает, я бросаюсь навстречу толчкам и, кажется, уже слышу звон тысячи колокольчиков, тело выгибается, напряжение становится нестерпимым. Лицо Вани искажается, становится жёстким, из раскрытого рта вырывается звериный рык. Ощувив, как он горячо изливается, словно взрываюсь изнутри, мир то рассыпается на миллион огненных искр, то темнеет.

Ваня падает на меня, чувствую биение его сердца, кожа лоснится от любовного пота, дыхание обжигает шею. Спазмы внутри постепенно затухают, туман эйфории рассеивается. Смотрю на серебящийся капельками лоб Вани, расслабленную улыбку, сильные плечи, и приходит осознание произошедшего. Накрывает волной стыда. Стягиваю с запястий намотанную футболку и пытаюсь осторожно выбраться из-под тяжёлого тела, но Ваня прижимает мои плечи к кровати. Смотрит пристально, отвожу взгляд.

- Нина. - Голос его звучит тихо и серьёзно. Медленно выдыхаю и, собравшись с духом, смотрю в его глаза. - Помнишь, я обещал жениться на тебе?

Удивлённо смотрю на него, растерянно отвечаю:

- Не помню.

Ваня огорчённо качает головой.

- Как же так? А я-то считал, что ты ждёшь, когда я выполню своё обещание!

Мотаю головой:

- Ты шутишь, да?

Он улыбается:

- Мне тогда было шесть лет, но ты согласилась.

У меня вырывается смешок, облегчённо выдыхаю: шутит! Подхватываю:

- У той договорённости даже срок давности вышел!

Улыбка его тает, взгляд становится пронзительным.

- У моей любви нет срока давности, Нина.

Внутри от его слов всё трепещет, в носу становится мокро, глаза наполняются слезами. Всхлипываю и, отвернувшись, ощущаю щекотку слёз. Ваня целует мокрую кожу моих щёк и шепчет:

- Пожалуйста, дождись меня.

* * *

Тихонечко прокрадываюсь к своей постели, паркет под ногами предательски поскрипывает.

– Вернулась? – сонно спрашивает Леся. – Ну что, признался он тебе?

Испуганно прижимаю руки к груди, ощущая учащённое биение сердца.

– Не понимаю, о чём ты.

Сестра садится на кровати и, потирая щёки, хитро косится на меня.

– Вот и хорошо. А то все мозги уже вынес!

Опускаюсь на кровать, нервно разминаю пальцы. Озвучиваю вопрос, который так и не решилась задать ему:

– Говорят, сосед в армию уходит. Не знаешь когда?

– Ванька-то? – приподнимает брови сестра. – Так завтра.

Испытываю жгучую смесь облегчения и боли. Не проронив больше ни слова, ложусь в кровать и, закрыв глаза, пытаюсь выбросить из головы все мысли. Не о чем волноваться. Нечего стыдиться. Всего лишь одна ночь. Это не считается. Надо забыть этот спонтанный, умопомрачительный, невероятный секс с Иваном, который оказался очень умелым любовником. Но, увы, слишком молодым. Завтра он уедет, а когда вернётся... Надеюсь, к тому времени у первой любви выйдет срок давности.

Глава 2

Раздаётся стук в дверь, в кабинет заглядывает Люда:

– Нина Ивановна, к вам Фёдор Петрович. Есть времечко принять?

Поджимаю губы и смотрю на помощницу весьма красноречиво. Уж кто-кто, а Люда должна знать, есть ли у меня времечко. Сама с утра притащила стопку папок из соседнего кабинета – Дарья Васильевна в больницу загремела с

истощением. Прямо с суда и увезли на скорой! Ещё две судьи в отпусках. Рычу сквозь зубы:

– Разумеется, Людочка! Времени у нас с тобой предостаточно, так ведь?

Сдерживаю желание посоветовать в следующий раз включить мозги и сказать прилипчивому депутату, что я на планёрке, ведь Фёдор Петрович в приёмной может услышать. Но вижу по лицу помощницы, что та поняла намёк. Сегодня ей не удастся уйти с работы раньше меня, даже если небо рухнет на землю. А там и до утра недолго, так что ночевать будем вдвоём на кожаном диванчике приёмной...

Помрачневшая Люда исчезает, и в кабинет важным павлином вступает Фёдор Петрович. Бесцеремонно хватает мою руку, прижимает тыльную часть ладони к своим губам, улыбается:

– Счастлив лицезреть самую прекрасную судью нашего города!

Осторожно выуживаю из его холёных наманикюренных пальцев руку и тщательно маскирую раздражённый оскал вежливой улыбкой, киваю на стул:

– Присаживайтесь, пожалуйста. Что вас привело?

Терпеть не могу такие визиты, общение с представителями власти напоминает хождение по канату над пропастью: приходится следить не только за каждым словом, но и за движением тела, даже за мыслями! Фёдор Петрович подмечает любой случайный жест или косой взгляд, психология – его второе высшее образование. Сейчас уже легче, а раньше он из меня жгуты скручивал! После общения с депутатом приходилось менять рубашку под мантией, та промокала насквозь так, словно я марафон пробежала. Но постепенно я научилась общаться и с такими вот скользкими типами.

Сейчас стараюсь придерживаться официальной линии разговора, вежливо отсекая ежеминутные намёки, возвращаю собеседника в рамки деловых отношений. Но Фёдор Петрович не из тех, кто сдаётся.

– Может, обсудим это за ужином? – вкрадчиво спрашивает он и снова накрывает мою ладонь своей. – Или у меня на даче.

– Извините, Фёдор Петрович, – привычно отодвигаюсь я. – Сегодня у меня очень много работы. Вряд ли я найду время для ужина.

– Тогда за завтраком, – не сдаётся депутат и едва заметно подмигивает: – Я пришлю машину, когда скажете.

Мне отчаянно хочется стереть с тщательно выбритого лица белозубую улыбку, желательно ноутбуком, но я лишь вежливо качаю головой:

– Не стоит, Фёдор Петрович. Я вам уже всё объяснила и уверена, что вы легко решите вашу проблему, если последуете моему совету.

– А вы любите раков? – неожиданно спрашивает мужчина.

Моргаю и теряюсь в мыслях. Вот это да! Решил идти ва-банк? Зная этого человека, уверена, что мне сейчас открыто предложили секс. Конечно, у Фёдора Петровича хватило ума заменить одну букву в слове и тут же елейным тоном пояснить:

– Недалеко от моей дачи есть небольшое озеро, я с удовольствием вас... вам раков наловлю.

Ох, чего мне стоило удерживать на лице спокойное выражение! А вот взгляд, увы, выдал мои истинные чувства. Судя по удовлетворённой ухмылке, которая затаилась в уголках губ Фёдора Петровича, он очень доволен, что удалось меня вывести из себя. Не знаю, чем бы закончилась дуэль взглядов, если б не помощница.

– Нина Ивановна, – зовёт из-за закрытой двери Люда. – Через пять минут заседание.

Не сдерживаю облегчения и выдыхаю:

– Извините, Фёдор Петрович, у меня на раков жуткая аллергия. Наслаждайтесь сами.

Подхватываю не глядя первые попавшиеся папки и поднимаюсь. Депутат тоже встаёт, и мне очень не нравится его взгляд. Что-то явно задумал. Но главное – разговор закончен. Иду к двери, которую учтиво придерживает Фёдор Петрович. Ощущаю его взгляд на своей пятой точке. Вот же кобель! Мало ему мозги мне трахать, ещё и под мантию хочет залезть. Ну уж нет, пусть своих раков сам... ест!

На заседании размышляю о том, как сильно мешают людям эмоции стать счастливее. Потерпевшая уже который раз не может выдать ни слова: как начинает рыдать с начала заседания, так и заливает пол до самого вечера. Жаль её чисто по-женски, но раз уж пошла на такой отчаянный шаг, так возьми себя в руки, сожми булки и постарайся выбить из бывшего мужа-жмота деньги хотя бы на обувь для ваших общих детей. Попыталась с ней разговаривать, и Женечка советовала несколько раз прекратить ненужные истерики. Женька отличный адвокат, но, боюсь, тут она проиграет.

Вымотанная и физически, и морально, всё ещё пытаюсь мыслить и, прихлёбывая энную чашку кофе, отписываю одно из ста-пятисот дел.

– Нина Ивановна, – заглядывает Люда. – Вы идёте?

– Нет, – отвечаю, не поднимая головы. – А ты иди. Василий наверняка уже от голода подвывает...

Простила помощницу уже давно, да и кто устоит против такого танка, как Фёдор Петрович? Усмехаюсь: разве что я. Вообще-то, подруги меня не понимают: депутат достаточно молод и очень хорош собой. А такие мелочи, как жена и дети, в наше время никого не останавливают. Мне ли об этом не знать? Сжимаю челюсти, нет уж. Мужчина напоминает мне удава: блестящее тело, медленные и неумолимые движения. Меня передёргивает, откладываю ручку и тру ноющие веки. Зеваю и смотрю на часы. Почти час, мама будет беспокоиться. Конечно, можно было взять дела домой, но я нарочно тяну время, чтобы у стоянки меня не поджидала машина депутата. Проходили уже. Вскидываю руку и смотрю на часы: можно собираться.

Пока выключается компьютер, закрываю ноутбук и перекидываю незаконченные дела в пакет. Коридор встречает оглушающей тишиной, лишь стук моих каблучков множит эхо. Выключаю свет и, улыбнувшись охраннику Паше, выхожу в холод вечера. Иду к стоянке и, окинув взглядом пустынный двор, замираю в недоумении: где моя машина?!

Возвращаться влом, набираю сотовый охранника.

- Паша, а где моя малышка?

- Так в ремонт забрали, Нина Ивановна, - удивлённо отвечает Павел. - Вы же сами ключи работнику сервиса отдали! Он расписался. Вызвать вам такси?

- Сама справлюсь, - уловив в голосе охранника насмешливые нотки, раздражённо отвечаю я и отключаюсь. - Твои ж раки!

Конечно, не тайна, чьих рук неожиданный ремонт моей крошки. Машина на ходу, служит безотказно, у меня и в мыслях не было отдавать её в ремонт, да и ключи при мне. Ох, устрою я головомойку нашей охране. Зевнув, решаю: завтра. Набираю номер такси и, прижимая трубку к уху, выслушиваю номер своей очереди на ответ оператора, как вдруг меня пихает прохожий, и телефон выпадает из руки. Раздаётся треск, я приседаю и со злостью смотрю на разбитый экран.

- У вас глаза на затылке, что ли? - спрашиваю зло у неуклюжего мужчины.

- Простите, я вас не заметил, - явно лжёт тот.

И тут слышу знакомый голос:

- Нина Ивановна? Неужели это вы?

Я, не оборачиваясь, на миг кривлюсь: не удалось дождаться снятия осады. Фёдору Петровичу делать, что ли, нечего? Или раков так приспичило, что шлюхи кончились?

- Дима, что ты натворил? - укоряет депутат.

- Простите, Фёдор Петрович, я случайно.

- Телефон сломан? - с елейной улыбкой уточняет депутат и оглядывается на пустую стоянку: - А машина ваша где? Не в ремонте, случайно? - Я изо всех сил сдерживаюсь, когда Фёдор Петрович мягко кладёт горячую ладонь на моё плечо. - Я вас подвезу до дома! Как же хорошо, что у меня дела в этом районе. Вы, Нина Ивановна, слишком красивы, чтобы ходить одной по ночам.

Я бросаю взгляд на закрытую дверь: охранник точно видит, что происходит, но судя по всему, помощи от Павла ждать не стоит. Струсил ли он или же в сговоре с этими? Неважно. Как всегда, рассчитывать я могу лишь на себя. Отвечаю холодно:

- Лучше вызовите мне такси. Мой телефон сломан.

- Ваш телефон! - виновато восклицает Фёдор Петрович, увлекая меня к машине. - Я вам компенсирую его стоимость, и ещё подарю! - расщедрившись, восклицает он: - Два!

- Такси, Фёдор Петрович, - понижаю тон ещё на пару градусов.

Что толку, если я попытаюсь сопротивляться или кричать? Ночь, вокруг никого, передо мной два здоровых мужика, каждый из которых в два раза больше меня. Мой единственный шанс - держать себя в руках. Если скачусь в истерику, этот змей получит желаемое. Пока Фёдор Петрович меня ещё немного уважает (насколько это возможно с его стороны по отношению к женщинам), и за это изо всех сил нужно держаться.

- На улице холодно, Нина Ивановна, - тянет он меня к авто, - подождите в машине. Дима, вызови такси.

Позволяю усадить себя в автомобиль, смотрю спокойно на улыбающегося депутата, хоть в груди сердце так и колотится от предчувствия надвигающейся беды. Дима снаружи отдаляется на несколько шагов и прижимает сотовый к уху. Звонит ли водитель в службу такси или притворяется? Что последует дальше? Смотрю на депутата. Тот вздыхает:

– Может, вы всё же желаете раков?

– Я уже ответила, Фёдор Петрович, что у меня на них аллергия, – ровным тоном напоминаю я, а по спине словно лава течёт. Решаю сдать блокпост, чтобы не проиграть войну: – Может, завтра в обед выпьем кофе? Рядом с судом есть приятное кафе...

– Боюсь, мне мало одного кофе в обед, – парирует депутат.

– Я угощу вас двойной порцией, – беспокойно поглядывая на отвернувшегося от машины водителя, тише отвечаю я.

– Мне нравится, – слегка хрипло откликается Фёдор Петрович, – двойное...

Скриплю зубами: вот же кобель! И как мне быть? Не похоже, что он собирается отпустить меня, но и не увёз сразу. Что же ему нужно? И тут до меня доходит, что означал очень тихий звук, который раздался, когда депутат сел в машину.

Спокойно, не делая резких движений, протягиваю руку и, положив ладонь на замок двери, незаметно нажимаю кнопку. Дверь не открывается. Точно: заблокировано. По пищеводу струится лёд, дыхание учащается, в голове проносятся панические мысли. Оборачиваюсь и, отметив влажный блеск глаз депутата, с улыбкой уточняю:

– Как себя чувствует Светлана? На каком она сроке? Семь месяцев, я права? Уже в декрете?

Фёдор облизывает губы, слегка кривится: ему явно не нравится сейчас вспоминать о беременной вторым ребёнком жене. Он наслаждается загнанной добычей и предвкушает долгожданный десерт.

Затем, явно выбросив из головы мысли о жене, депутат кладёт руку на спинку моего сидения и облизывает губы. Я понимаю, что план провалился, и тут же нажимаю на другую мозоль:

– Кстати, я подумала о вашем деле. – Слежу за реакцией мужчины. – Мне кажется, я не все варианты вам рассказала. Есть нюансы из моей личной

практики, которые будут вам полезны. Если вам любопытно, конечно.

Его лицо на мгновение искажается в сомнении, в глазах появляется блеск заинтересованности. Всё же я привлекаю депутата прежде всего в деловом качестве, просто он привык брать всё, что плохо лежит. А я лежу плохо, совсем не желаю принимать горизонтальное положение. Понимаю, что сдайся я, как все, всего один раз, – тут же перестану быть целью, но не могу я переступить через себя.

– Потом, – выдыхает Фёдор и, положив руку мне на плечо, притягивает к себе.

Понимаю, что полностью проиграла, когда он наваливается на меня, слюнявит лицо, задирает юбку. Всё, кончилось время «ухаживания». Словно человека подменили: щёлкнул невидимый тумблер и сдержанный бизнесмен превратился в похотливое животное.

Но и я не стану терпеть. Яростно отпихиваю мужчину коленями, но он рывком разводит их в стороны, так что юбка трещит по швам, кусаю жадные губы, пытаюсь разодрать ногтями лицо...

– Да, – выдыхает он жарко, – сопротивляйся! Не то что все эти резиновые дуры! Нина, как же я тебя хочу отыметь во все дыры! Да так, чтобы яйца неделю болели...

Отчаянно ненавижу его в этот момент, так и хочется содрать ему сальную улыбку вместе с кожей. Зря, что ли, выкладываю по два косяра на маникюр? Да что же я такая слабая? Завтра же начинаю ходить в спортзал, если наступит это завтра. Но не станет же Фёдор меня закапывать после жаркого секса в машине с затемнёнными стёклами? Неприкосновенная рожа!

Мужчина с рычанием заламывает мне руки за спину и зубами рвёт рубашку на груди, впивается в сосок. Не сдерживаю стон боли. Вот же сволочь! В промежность тычет своим членом, даже презерватив не думает надевать, гад!

– Жаль, что ты не в мантии, – шепчет, – но мы это ещё исправим!

Ярость застилает глаза: ему ещё и ролевые игры подавай? Хочет и дальше меня иметь... как он там выразился? Во все дыры! Сейчас я ему дыр наделаю! Извернулась и вцепилась зубами в шею насильника. Губам стало горячо, на языке ощутила привкус железа. Фёдор кричит от боли, толкает. Кажется, я откусила от мужика кусок... Сплёвываю и тут же получаю по лицу.

- Ах ты, сука! - кричит. - Ну ты получишь... - Распахивает дверцу: - Димыч! А ну сюда! Ща трахнем эту недотрогу так, что кони двинет.

Пытаюсь вырваться, пока дверь открыта, но мужчина снова бьёт меня. Подвывая, сползаю между сидениями, и тут до меня доходит: а как он дверь открыл? Значит, уже не заблокированы? Пытаюсь отпереть вторую дверь, та поддаётся. А депутат орёт:

- Где ты, твою мать, застрял? Сказал, быстро сюда!

Вижу тень рядом с депутатом и вываливаюсь из машины. Обдирая колени об асфальт, ползу в сторону. Слышу крик, треск, стон... Натыкаюсь взглядом на лежащее тело. Водитель? А кто же там? Страх ещё сильнее сжимает сердце, которое, казалось, забыло, как биться. Кричу, когда ощущаю чьи-то руки на плечах. И вдруг слышу:

- Тише, Нина. Это я!

Кто «я»? Оборачиваюсь и, наткнувшись взглядом на полускрытое глубоким капюшоном бородатое лицо, судорожно втягиваю воздух. Кто это? Хочу вырваться, убежать, но ватные, будто во сне, ноги не слушаются. Руки дрожат и тоже не держат. По щекам катятся слёзы. Незнакомец обнимает меня, прижимает к себе:

- Нина, милая, да как же ты всё время влипаешь в такие ситуации? Сердце разрывается!

Я смаргиваю слёзы и, оттягивая ткань капюшона, всматриваюсь в знакомые глаза:

- Ваня?!

- Это я, - шепчет, целуя, - я, любимая. Всё в порядке, всё хорошо.

Беру себя в руки, отодвигаюсь:

- Стой. Есть сотовый? Надо полицию вызвать. - Скриплю зубами: - Срать, что депутат, я не отступлю, пока его в тюрьму не посадят. Сволочь! Думала, что не осмелится, а он... Да если не за попытку изнасилования, я такие факты обнародую, что он вовек не отмоется! Да я...

- Тише, тише, - прижимает меня Ваня. - Он никогда не причинит тебе вреда.

Спина холодеет, обрываю себя на полуслове.

- Что? - Взгляд парня мне не нравится, я пытаюсь высвободиться и встать: - Что ты натворил, Ваня? Что сделал?

Хочу вернуться, проверить, как там Фёдор Петрович, но Ваня не отпускает. Смотрит в сторону и глухо говорит:

- Не стоит тебе на это смотреть.

Понимание беды накрывает колючим одеялом безразличия так, что шумит в ушах, а перед глазами всё плывёт. Последнее, что помню - как повалилась на руки Вани.

* * *

Открываю глаза и смотрю на белый потолок, перевожу взгляд на осунувшееся лицо матери. Она спит, сидя на стуле, и, покачиваясь, вздрагивает во сне. Сердце моё болезненно сжимается, касаюсь сморщенной кисти:

- Мама...

Она распахивает глаза и впивается в мою ладонь:

– Ниночка, как ты? – Не дожидаясь ответа, качает головой: – Как ты нас напугала! Разве можно так себя загонять? А я говорила, что нужно вовремя с работы уходить, высыпаться, питаться нормально.

– Мам, – перебиваю. – Что случилось? Почему я здесь?

– А ты не помнишь? – поднимает она брови и вздыхает: – Ты в обморок упала, когда домой возвращалась. Так напугала! Прямо у подъезда нашли. Хорошо, сосед ночью покурить вышел. Скорую вызвали. Не просыпалась пять часов. Я уж молилась, молилась.

Открывается дверь, заходит медсестра. Ставит поднос на тумбочку, звенит чем-то, пахнет лекарствами, через приоткрытую дверь из коридора доносятся звуки включённого телевизора.

«До сих пор ничего не известно о местонахождении депутата Мершикова. Напоминаем, что сгоревший автомобиль Фёдора Петровича обнаружен сегодня утром на территории закрытого завода по производству хлора. Громкое дело об отравлении хлором...»

– Привет! – входит Леська. – Как ты, трудоголичка, ветром унесённая?

Дверь за медсестрой закрывается, отсекая звук, а я всё смотрю в сторону выхода. И в памяти возникает похотливая ухмылка депутата, его скользкие змеиные руки на моих бёдрах, неподвижное тело его водителя и глаза Вани на бородатом лице. Мершиков исчез, а его машина сгорела?!

Кожа на затылке стягивается от ужаса. Перевожу взгляд на сестру и спрашиваю:

– Ваня, сосед наш, из армии когда должен вернуться?

– А что? – Схватив яблоко из пакета матери, Леся присаживается на кровать. Подмигивает: – Соскучилась? – Поднимает глаза к потолку и, жуя, загибает пальцы. Отвечает: – Ну, через месяц примерно. Надо у тёти Тани спросить. Та календарик ведёт. – Снова мне подмигивает: – Я думала, что ты тоже!

– У меня телефон разбился, – взволнованно отвожу взгляд. – Не звонили из полиции?

– Люда звонила, – тут же принялась отчитываться мама. – Обещала приехать в обед. Ещё Николай Кондратьевич, это ваш...

– Начальник охраны, – перебиваю, ощущая кислый вкус страха. – Что он сказал?

– Спрашивал, когда ты ушла, – смотрит на меня мама. – Что-то у них там с обзорными камерами не так. Извини, я в этом ничего не понимаю. Хочешь, я тебе телефон дам, сама спросишь?

– Все звонки после процедур, – подаёт голос медсестра. Глянув на часы, добавляет: – Время посещения вышло.

Мама целует, Леська машет и выходит из палаты. Невольно прислушиваюсь, но телевизор либо выключили, либо уменьшили звук. Кричу запоздало:

– Телефон оставьте!

Повинуясь медсестре, откидываюсь на спину, подставляю руку. Она протирает мою кожу мягким тампоном, ощущаю резкий запах спирта, морщусь от укола. Настроив капельницу, девушка перекладывает оставленный Лесей телефон на кровать. Говорит:

– Рукой не шевелите.

Киваю и, подхватив телефон, включаю интернет. Новости изобилуют фотографиями закрытого завода и покорёженного чёрного остова автомобиля. Трупов не найдено, следов тоже. Судя по экспертизе, пожар был примерно в три часа ночи. Отключаю ленту и набираю рабочий телефон.

– Люда, это я.

Выслушиваю стенания помощницы о том, как всё плохо, минут пять. Пусть выговорится, ведь дела на работе действительно в плачевном состоянии. Работать некому, дел по горло, но сейчас меня это волнует меньше всего.

Прерываю:

– Что там с камерами? Коля маме моей звонил, она ничего не поняла. Да, у меня телефон разбился. Угу, на этот.

Выслушиваю доклад о том, что все ночные записи с камер (как внешних, так и внутренних) таинственно исчезли, и в душе неприятно скребётся червячок сомнений. С одной стороны, Мершиков легко провернёт подобное, чтобы его не обвинили в попытке изнасилования. С другой – он вряд ли стал бы уничтожать все записи. Хватило бы убрать одну, если не хотел, чтобы в интернет попала запись, как я полураздетая вываливаюсь из его машины, да заткнуть Паше рот. Это тоже нетрудно сделать, учитывая, что охранник даже не почесался выйти мне помочь. Хотя совершенно точно знал, что происходит.

По-человечески я его понимаю: жена-дети, ипотека, но... Вздвогнув, перебиваю монолог помощницы:

– А что говорит Павел? Он же ночью дежурил.

– А у него инсульт, – грустно сообщает Люда. – В больнице, вроде даже в той же, что и вы.

– Интересно, – бормочу растерянно я. – Перезвоню.

Что-то совсем странно. Да, Мершиков, когда у него от члена кровь отлила, мог понять, что зашёл слишком далеко, уничтожить записи и сжечь автомобиль, чтобы не нашли следы крови, а себе организовать железное алиби. Может, Павел не такой уж и гнилой, раз его Кондратий хватил от того, что охранник увидел? И позвонить в милицию боялся (и правильно боялся, у Мершикова там все свои), и пережить не смог.

Смотрю на телефон и кусаю губы: не было же Вани. Не могло быть! Ему ещё месяц служить. А парень мне попросту примерещился из-за того кошмара, в который я, надеясь на остатки благоразумия Фёдора, добровольно втянулась. Скорее всего, мне помог какой-нибудь бородатый и голубоглазый прохожий, а я приняла его за Ваню.

Может, сработала ассоциативная память, ведь Ваня спас меня почти год назад от изнасилования малолетками. У меня в тот момент всё расплывалось перед глазами от боли. Этот гад бил меня! Причём грамотно бил, на лице ушибов не заметно. Возможно, сотрясение мозга и галлюцинации. В состоянии аффекта мне ещё не то могло примерещиться. Надо попросить доктора об МРТ, пока в больнице. Когда ещё будет время? И всё же...

Вздыхая, набираю на смартфоне сестры знакомые с детства цифры. Тётя Таня как купила себе сотовый телефон, так никогда не меняла номер.

- Добрый день, тёть Тань, - громко говорю я. Из трубки раздаётся такой гвалт, что даже я едва не глухну. Неудивительно, что нянечка детдома Татьяна глуховата. - Не отвлекаю? Ваня когда возвращается? Точно? А его не могли перевести в другую часть? Понятно... Спасибо! Как вернётся, мама обещала торт испечь! Да, всего хорошего!

Отключаюсь и задумчиво постукиваю прохладным телефоном себя по губам. Ваня не из тех, кто сбежит, это точно был не он! А депутат... Кривлюсь с отвращением: вот же сволочь! Позвал водителя, тот открыл блокировку, и мне удалось сбежать. А прохожий спугнул насильников. Возможно, добрый бородач помог мне добраться до дома. Почему добрый? Ноутбук был при мне, и папки с делами тоже. Не Фёдор же меня милостиво подвёз, раз трахнуть не удалось? Гад!

Надо с Женькой посоветоваться, как бы побольнее отомстить. Посадить его не посадишь, кому как не мне знать об этом. Ах, как жалею сейчас, что оказывала помощь советами! Этот болтун ещё так всё вывернет, что это я его соблазнила. Свидетелей купит, факты подтасует. Вылечу с работы! С последними-то ваяниями запросто.

Если только воспользоваться тем, что я знаю о нём. Хотя бы старая история отравления хлором. Завод, конечно, принадлежал не Мершикову, а был зарегистрирован на его жену. Фёдор очень осторожен! Но в том деле до сих пор много белых пятен. СМИ тогда заткнули, полиция быстренько закруглила дело, да и ко мне Фёдор едва ли не каждый день на поклон ходил.

Мозг работает, нервы успокаиваются. Закрываю глаза и размышляю: так легче жить. Больше думать, меньше чувствовать. Дело проходит перед глазами, я не

замечаю, как меня одолевает сон. И уже на грани яви у меня вдруг появляется понимание, что никто ничего не сказал про изодранную одежду. А ведь мой костюм превратился в лохмотья! Пробую открыть глаза, но веки тяжёлые, будто налиты свинцом. Сдаюсь и проваливаюсь темноту.

* * *

Выхожу из больничной палаты, поправляю сумочку на плече, закрываю дверь. По светлому коридору ко мне неторопливо направляется врач.

– Ни-и-ина-а-а! – растягивая слоги, восклицает он. – Ты что же, решила сбежать не попрощавшись? Разве у нас было так плохо?

– Что вы, Симон Лазаревич, – улыбаюсь с искренней симпатией, – за эти три дня я так отдохнула и выспалась, будто на самый модный курорт съездила! Буду рекомендовать ваше отделение как отличное место для восстановления сил. Недалеко и очень экономично.

– То есть мне ждать косяка исхудавших судей с признаками крайнего истощения? – усмехается Симон.

Пожимаю ему руку: такой хороший дядька! Отличный специалист и невероятно душевный человек! Как мало людей, которые не скатились в банальный цинизм из-за профессии. Задумываюсь, а я к какому типу принадлежу? Сумела ли я, каждый день сталкиваясь с людской болью, сохранить открытое сердце и незамутнённый разум? Неожиданно для себя интересуюсь:

– А где неврологическое отделение? У меня сотрудник там лежит. Хочу поведать.

– Как зовут вашего сотрудника? – услужливо спрашивает Симон Лазаревич.

Достаёт телефон, уточняет у знакомых номер палаты и вот уже ведёт меня сам по пахнущему хлоркой коридору. Слушаю ворчание врача, который не перестаёт сетовать на то, как я себя не люблю. Пожимаю плечами в ответ: работа. А про отморозка, по милости которого я попала в больницу, конечно же, молчу. Умный гад, синяков видимых не оставляет, даже бьёт так, чтобы не привлекли. Хорошо,

что сотрясения нет...

И всё же, что тогда случилось? Как узнать правду? Понимаю, что именно поэтому иду к Павлу, а не потому, что беспокоюсь за здоровье охранника. Ведь записи с камер исчезли, и Павел единственный, кроме пропавшего депутата, который может рассказать правду. Ощувив лёгкий укол совести, обращаюсь к доктору:

- Симон Лазаревич, как состояние моего сотрудника?

- Так себе, - косится врач и усмехается. - Хорошо, что вообще выжил! Это как нужно ненавидеть жизнь, чтобы при сахарном диабете запить укол водкой?

- Что? - замираю я, по спине ползёт противный холод от понимания: - Укол?

Впрочем, что удивляться? У меня на дню бывает по три дела о наркотиках, но чтобы Паша... Зажмуриваюсь. Гадство! Какой из него свидетель? А я? Как я не разглядела признаки? Скриплю зубами: да не было их! Павел либо очень осторожен, либо недавно начал употреблять. Усмехаюсь: осторожен? При сахарном диабете уколиться и напиться? Тут попахивает безумием. Либо пахнет ещё хуже. Затылок стягивает льдом при мысли, что, возможно, кто-то заметал следы.

Мотаю головой: нет-нет! Фёдор Петрович - хитрый змей, наверняка он залёг на дно в страхе, что я отвечу на его подлость. И вообще! Нет трупа - нет убийства. И Ваня тут совершенно ни при чём, он примерещился мне от ужаса. Но сердце предательски замирает, в голове возникают версии одна ужаснее другой, и что самое жуткое - всё подтверждается фактами.

- Нина, - уже в который раз зовёт меня доктор, трогает за плечо. - Тебе нехорошо? - Кривится и качает головой: - А я говорил, что ещё недельку надо полежать! Не убежит от тебя работа! Давай продолжим курс...

- Извините, - с вежливой улыбкой перебиваю я. - Задумалась о своих проблемах и выпала из реальности. Далеко ещё идти?

– Перешеек и подняться на этаж, – машет Симон Лазаревич. И уточняет: – Ты точно в порядке? Побледнела. Дай руку.

Проверяет пульс и хмурится. Поясняю:

– Вспомнила, что одно архисложное дело не передала другому судье. Придётся отвечать за это, переживаю.

– Надо выписать тебе успокоительное, – бурчит врач и качает головой: – Девочка, ты совсем себя не бережешь!

Снова улыбаюсь и тяну его дальше, расспрашиваю о сахарном диабете. Симон Лазаревич кивает на другого доктора:

– Это к нему, Нина. – Смотрит на меня: – Ты в порядке? Если почувствуешь головокружение, сразу ко мне! Звони в любое время.

– Спасибо, Симон Лазаревич, – благодарю искренне. – Я расскажу маме, как вы заботливо ко мне отнеслись.

Щёки врача слегка краснеют, взгляд смягчается. Они с мамой с детства дружны, и, подозреваю, что скромный врач был когда-то в неё влюблён.

– Артур Васильевич, – зовёт знакомого. – Это Нина Ивановна, я вам говорил.

– Помню, конечно, – отрывисто отвечает тот и сухо кивает: – Идите за мной.

Прощаюсь с доктором и спешу за суетливым Артуром, от которого так и веет вечной занятостью. Посматриваю на ещё молодого, но уже измученного жизнью мужчину: видимо, со стороны я выгляжу так же. Совершенно отличается от благодушного и обстоятельного знакомого моей мамы. Симон Лазаревич в свои пятьдесят выглядит гораздо лучше. Вдыхаю: надо прислушаться к советам врача, пока не загнала себя вот так же.

Артур Васильевич распахивает дверь палаты, смотрит на неподвижно лежащего мужчину и быстро рассказывает о состоянии больного. Извиняется и скрывается прежде, чем успеваю поблагодарить. Захожу в тихую палату, закрываю дверь.

Вторая койка пуста, в приоткрытое окно врываются звуки с улицы, пахнет цветами. Сладко-горьковатый аромат витает в воздухе, но букета нигде не видно. Может, духи? Дорогие, нехимические. К Паше приходила гостья?

Смотрю на охранника и говорю:

– Я знаю, что ты не спишь. А ты знаешь, зачем я пришла.

Паша открывает глаза и едва заметно морщится. Он всегда так кривится, когда лжёт. Но сейчас дело гораздо серьёзнее, чем привычные опоздания Люды.

Звонок вырывает меня из задумчивости. Прощаюсь с Пашей и выхожу из палаты, отвечаю:

– Да, Лесь.

– Где ты? Я тебя битых полчаса жду! – возмущается та. – Если передумала, так и скажи! Мама только рада будет, а мне, знаешь ли, есть чем заняться.

– Уже иду, – обрываю сестру.

Оборачиваюсь на дверь палаты и разочарованно вздыхаю. Лучше бы доктор не результаты анализов рассказал, а то, что Паша практически говорить не может. Из его «ы-ы» я толком ничего не поняла. Но взгляд охранника мне не понравился совершенно: так смотрит загнанный зверь – с яростью и ужасом. Сомнения ещё сильнее терзают душу, мысли всё время возвращаются к событиям страшного вечера.

Пока вспоминаю всё до мельчайших подробностей, спускаюсь в приёмное отделение, выхожу на улицу и открываю водительскую дверь моей малышки. Лесья смотрит на меня слегка обиженно и возмущённо.

– Ну щас!

И кивает на сидение рядом с собой. Хмыкаю: сестра наконец получила возможность водить и отпускать её не собирается. Спорить нет ни сил, ни желания, сажусь рядом с сестрой, но машина не трогается с места. Леська всё

ещё выжидающе смотрит на меня, я хмурюсь:

– Что?

– Рассказывай! – требует сестра. – Когда вот так губы поджимала, случилось нечто до чёртиков противное.

– Всё прекрасно, Олеся.

Откидываюсь на спинку сидения и смотрю вперёд. Читаю на заборе огромную надпись: «Машины не ставить». Леська дёргает меня за волосы, кричу:

– Ай! Что с тобой?

– Это с тобой что? – едва не подпрыгивает крайне взволнованная сестра. – В последний раз, когда ты сказала: «Всё прекрасно, Олеся», оказалось, что у папы инфаркт! И пока я в благом неведении веселилась на студенческой вечеринке, вы с мамой ночевали в больнице, а отец пытался выжить! Не смей меня так никогда называть! Ненавижу это имя.

– Леся, – морщусь я и киваю на надпись. – Тут нельзя стоять, поехали.

– Я тут уже полчаса торчу, – заявляет сестра, – и ничего. Говори, что произошло. И не считай меня полной дурой! У тебя коленки в кровь изодраны, хотя по версии соседа упала ты в траву. Но больше всего мне понравилось, что перед этим ты аккуратно сложила ноутбук и папки с делами на лавочку! Я, конечно, при маме не стала Шерлока изображать, но...

Она выразительно смотрит на меня.

– Хорошо, – сдаюсь и киваю: – Трогай. Расскажу по дороге.

Пока говорю, Леся молчит и, сжимая губы добела, не отрывает напряжённого взгляда от дороги. Я замолкаю и жду вопросов. Естественно, они будут. Леся встревожена, напугана, но, как всегда в критических ситуациях, моя маленькая сестрёнка держится так, что позавидует и железная леди. Поэтому мне не страшно пускать её за руль, как она думает, просто я ревную свою крошку. И к

тому же Леся не знает, что деньги, которые я давно откладываю якобы себе на отпуск, пойдут на первый взнос за автомобиль мечты моей сестры. Как раз к её дню рождения.

Нас подрезает крутая иномарка с затемнёнными стёклами, но Леся молча и аккуратно уводит машину от столкновения (на лице сестры и мускул не дрогнул), включает поворотник и косится на меня. Слышу единственное слово:

- Сотрясение?

- Нет, - отвечаю и улыбаюсь, когда сестра сбавляет скорость до положенной. - Я прошла полное обследование. Со мной всё в порядке, можешь проверить медкарту.

- Сдалась мне твоя медкарта, - недовольно морщится Леся и бурчит едва слышно: - Я бы с большим удовольствием прочла некролог этого гада.

Сердце моё ёкает.

- Не говори так!

- А что? - хищно улыбается сестра. - Представь, что так вот всё сошлось. Когда водила отвернулся, на депутата напал родственник одного из погибших от отравления хлором. Пока ты лежала в обмороке, тихонько пришел обоих, спрятал тела, а машину сжёг на территории завода. Пламя возмездия! И трупов нет - никто не докажет, что это убийство, и за родственника отомстил! Записи стёрты, а свидетель после укольчика выжил по чистой случайности. Возможно, только потому, что говорить не может.

- Угу, - бурчу я недовольно (сестра только что рассказала одну из продуманных мной версий), - а преступник вежливо отвёз второго свидетеля домой и заботливо уложил на травку. - Покачала головой. - Не сходится, Лесь. Слишком много нужно было знать преступнику: и про камеры, и про болезнь охранника. Чересчур изощрённая месть. И, даже если это было так, проще свалить всё на меня, а не спасать. Мол, депутат напал, попытался изнасиловать, и я его случайно ножиком, который бы обнаружили рядом с моим телом и отпечатками на рукояти.

– Случайно ножиком? – зло ухмыляется сестра. Сворачивая в наш двор, подмигивает: – Четыре раза.

– Леся, – резко обрываю её. – Убийство не повод для шутки. Да и нет его, раз нет трупа. Мершиков мог залечь на дно, чтобы переждать и посмотреть, что я предприму. Скорее всего, так оно и есть, это в его стиле. Всё просто: прохожий спугнул насильника. Этот добрый человек посмотрел мои документы и отвёз домой. Павел подсел на иглу и под кайфом что-то сделал с записями. – Киваю уверенно: – Да, всё так и было.

– Это ты себя так убеждаешь? – заглушив машину, с интересом смотрит на меня сестра. – Не проще ли проверить?

Поджимаю губы и жду продолжения: хитрая улыбка сестры нервирует. Леська тянет меня за руку и показывает на один из балконов:

– Митюгова Даша с третьего едва скальпа не лишилась, когда мать застучала её с сигаретой, помнишь?

– Это незабываемо, – хмыкаю невесело.

Миловидная брюнетка с пышным бюстом и кукольными глазами рыдала на весь двор и клялась матери, что больше не посмотрит на сигарету. Но Руслану Дмитриевну это не успокоило, женщина сторожила дочь днём и ночью.

– Неужели?.. – заметив прикрученный к перилам тёмный прямоугольник, вздрагиваю я.

Леся кивает моей догадке:

– Даша тоже в курсе, так что план тёти Руси провальный, но нам-то это на руку! Посмотрим запись и узнаем, кто тот добрый самаритянин.

Целую маму, обнимаю отца: они так переживали за меня! Папа совсем бледный, надо бы его в санаторий отправить. Посматриваю на сестру: кажется, подарок на день рождения будет не такой шикарный, как бы хотелось. Мама, чтобы не напоминать мне о неприятном происшествии, переключается на сестру. Леське достаётся за рискованный с точки зрения мамы шаг. Родители переживают, что она теперь живёт отдельно. Вздыхаю и иду на кухню.

- Всё нормально, - говорит Лесья в ответ на мамины причитания. - Мне не десять лет. Соседка адекватная, район спальный, институт рядом. Ты хочешь, чтобы ради твоих пирогов я вернулась, снова уютилась в одной комнатке со старой девой и тратила по три часа на дорогу?

- Это кого ты тут старой девой назвала? - беззлобно тяну её за нос.

Сестра охает, смеётся, высвобождает нос. Мама качает головой и, не переставая ворчать, уходит к отцу. Лесья тут же стирает улыбку с лица и, посматривая на дверь, садится рядом. Отодвигая горячую чашку, включает смартфон.

- Скинула сразу, чтобы не возиться, - объясняет она.

Включает видео, хмыкает нетерпеливо, перематывает. На небольшом экране мелькают люди, жизнь района не останавливается ни на минуту. И вот сестра тормозит ролик, поворачивает ко мне и возбуждённо говорит:

- Смотри! А вот и твой спаситель несёт тебя на руках.

Вижу, но толку от этого мало. Стройный мужчина выше меня, одет в джинсы и толстовку, лицо скрыто капюшоном.

- Машины не видно, - хмыкает Лесья. - Неужели этот супермен нёс тебя от самого суда?

- Вряд ли, - бормочу и, замечая короткий взгляд мужчины исподлобья, подаюсь вперёд: - А ну отмотай назад!

Лесья отматывает, нахожу момент, когда спаситель поднял голову, приближаю...

– Тень от дерева, – разочарованно выдыхает Леся.

Я же едва сдерживаю дрожь: на мне другие вещи! Этот человек меня переодел? И где одежду ночью достал? А размер как понял? Ваня точно знает. Может, это он? О догадке Леське не говорю: одна мысль, что меня кто-то переодевал, холодит затылок. Хорошо, что сестра не знает, в чём я была, а мама не видела меня утром.

Так Ваня это или нет? Я не узнаю лица, на улице слишком темно, а от фонарей больше тени, чем света, но что-то знакомое было в том, как он поднял голову. Мы просматриваем запись до конца. Опустив меня на траву, спаситель удаляется, чтобы вернуться и положить на скамейку мои вещи, затем стучит в окно первого этажа. И в другое. И в третье.

– Какой настойчивый, – хмыкает Леся и задумчиво тянет: – Всё же машина где-то рядом. Не понимаю. Зачем останавливать её так далеко, когда можно было подъехать к самому подъезду и высадить тебя, не занимаясь физкультурой?

– Он точно знал про камеру, – вглядываясь в изображение, шепчу я. – До того как привёз меня.

– Это не Ваня, – мотает головой Леся. – Точно не он!

– Ваня?

При звуке маминого голоса мы с сестрой вздрагиваем и разворачиваемся. Мама хитро улыбается:

– Что? Выглядите точно так же, как лет десять назад, когда оприходовали без спроса две банки вишнёвого варенья!

Леся смеётся, я утыкаюсь в чашку с чаем. Не могу успокоиться, внутри всё так и пылает. Может, стоит поговорить с тётёй Таней? Если человек на видео Иван и он знал про камеру, значит, скрывается парень вовсе не от меня. Но от кого тогда? Давлюсь чаем и откашливаюсь. Мотаю головой в ответ на заботливые восклицания сестры и матери.

– Ничего, всё в порядке.

Нет, не в порядке. Я только что думала, что случившееся, возможно, дело рук Ивана. Нет, это безумие какое-то! Если я сейчас же не поговорю с мамой парня, то просто свихнусь! Выхватываю Леськин смартфон и, не обращая внимания на её возмущённый возглас, выбегаю из кухни. Если я правильно рассчитала рабочий график соседки, она должна быть дома. Жму на звонок.

– Нина, – устало улыбается тётя Таня с порога. – Что такое?

Ощущаю лёгкий укол совести при виде распахнутого халата, из-под которого выглядывает кружевная ночнушка. Растрёпанные волосы и слегка опухшие глаза: мама Вани спала.

– Извините, но мне необходимо с вами поговорить.

– Заходи, – распахивает она дверь.

Вступаю на порог и словно на миг погружаюсь в ночь, которую хранила в своём сердце. Окутывает смесь стыда и лёгкого возбуждения. У меня было не так много мужчин, чтобы судить, но... Ваня действительно умелый любовник. За этот год я пыталась встречаться с мужчиной, который давно за мной ухаживал, но даже его поцелуй был слабым отражением луны на воде по сравнению с моим юным поклонником. И сейчас, погрузившись в знакомый с детства запах Ваниной квартиры, я осознаю, настолько сильно скучала по парню.

Мотаю головой: Нина, соберись! Ты взрослая женщина... Попавшая в беду взрослая женщина. Чтобы прикинуть, с чем придётся столкнуться, нужно понять, что в действительности произошло.

– А Ваня где служит? – задаю вопрос.

Выслушивая обстоятельный ответ тёти Тани, рассматриваю многочисленные фотографии на полочках книжного шкафа. Фото недовольного карапуза с пластмассовым автоматом в руке умиляет. На следующем серьёзный Ваня сидит за партой: спина прямая, руки сложены. Помню его таким, ведь мне приходилось помогать мальчишке с уроками. Меня это страшно раздражало. Тоска вновь

кольнула сердце. Разворачиваюсь и уточняю:

– Алтайский край? – Хмурюсь. Чтобы вытравить из сердца привязанность к парню на десять лет меня младше, я запрещала себе даже думать о нём. Теперь же, узнав, как далеко он служит, немного расстроилась: – Надо же, ракетные войска... Леся говорит, ему остался месяц?

– Да, – кивает соседка. Посматривает на меня с тревогой. – А что случилось, Ниночка?

– У нас будет вакансия, – на ходу импровизирую я. – Вот хотела Ване предложить поучаствовать в конкурсе на место. Но, боюсь, что он не успеет вовремя подать заявку.

– Может, можно по интернету? – робко улыбается соседка. – Мы с Ваней переписываемся. Жаль, служащим в их части категорически запрещено звонить по телефону.

– Только электронную почту разрешают? – настороженно уточняю я. Кусаю губу и прошу: – Запишите, пожалуйста, его мейл. Я свяжусь с Ваней и предложу отправить заявку.

Благодарю и иду к выходу. На пороге замираю на мгновение, но прощаюсь. Сжимаю пальцами сотовый, но всё же не решаюсь показать запись. Тётя Таня не нервничала, говорила открыто, непритворно недоумевала. Казалось, она искренне полагает, что Ваня сейчас очень далеко. Всё бы ничего, но почему тогда на полке для обуви стоят начищенные до блеска армейские ботинки? Мужские...

Возвращаюсь к себе, Леся выхватывает свой смартфон.

– К соседке рванула? – ворчливо уточняет она и осуждающе качает головой. – Ну ты, мать, совсем с катушек слетела. Тебе в больнице правильную диагностику провели? Похоже, сотрясение всё же не заметили. Тётя Таня только с суток вернулась, а ты будить.

– У неё мужчина, – глядя в стену, бормочу я. – Там ботинки у входа стоят. Папа такие носил. Только эти новые, блестящие.

– Ты кроме работы своей вообще ничего не видишь, – хитро косится на меня сестра. – Я вот не живу с родителями и то знаю, что у тёти Тани появился поклонник.

Вспоминаю вид соседки и холодею: вот что мне показалось странным! Раньше тётя Таня не особо обращала внимание на свой внешний вид, а сейчас всё изменилось. Волосы взлохмачены, но подкрашены. Когда соседка потирала заспанное лицо, я отметила красивый маникюр, а полупрозрачная кружевная сорочка под халатиком была хоть и длинной, но весьма фривольной для её возраста. Сглатываю и виновато посматриваю на Леську. Сестра откровенно смеётся:

– Говорят, он весьма обеспеченный. Тётя Таня преобразилась за время отсутствия Вани, помолодела и похорошела. Вот что с людьми делает любовь!

На кухню заходит мама, ставит на мойку пустой стакан, я спрашиваю:

– Mam, у тёти Тани появился мужчина?

– Я же тебе рассказывала, – включая воду, ворчит мать. – Вот никогда не слушаешь! Ещё когда Татьяна в Уфе работала, голову потеряла от любви к симпатичному офицеру. Но женат он был, потому и попросила начальника о переводе. В Уфе и платили хорошо, и квартира была. Всё бросила! Не смогла семью разбить, хотя Василий готов был уйти к ней.

– Так этот Василий, – догадываюсь я, – и есть тот симпатичный офицерик?

– Жизнь, доченька, всё расставляет по местам, – вытирая руки полотенцем, улыбается мама. – Василий всё равно развёлся, уж не знаю почему. Долго он Таню искал. Она ведь и фамилию сменила...

– Зачем? – удивляюсь я и быстро переглядываюсь с сестрой. Судя по её приоткрытому рту, она едва сдерживается, чтобы не поделиться догадкой. Я опережаю: – Скрывалась, потому что забеременела от него?

– Всё сложно, – хмурится мать. Косится на дверь, понижает голос: – «Офицериком» я его именовала, потому что прозвище такое Танька ему придумала. Чтобы никто не догадался о настоящем статусе её любимого. Если бы узнали о его связи на стороне, и из партии бы выгнали, да и звёзд бы лишили. Тогда с этим было строго. Честь офицера! А Татьяна на аборт не решилась. – Мама мрачнеет и добавляет тише: – И слава Богу! Не рожая – на аборт. Могла бы вообще никогда не забеременеть. Конечно, было тяжело. Зато вот Ванька вырос богатырь! Глаз радуется!

Смотрю на маму и понимаю, что они с папой много лет поддерживали нашу соседку и материально, и морально, и, по сути, были тёте Тане единственными родственниками. Хоть и не по крови. Молча поднимаюсь и обнимаю мать, к нам присоединяется Леська.

– Какая ты умненькая и добренькая, наша мамочка!

Все смеёмся. Тень подозрений рассеивается: ботинки в коридоре принадлежат тому мужчине. Я собираюсь на работу и, выслушивая причитания мамы, весело улыбаюсь:

– Я хорошо себя чувствую! Отдохнула и выспалась. Кстати, Симон Лазаревич просил передать, что я очень похожа на тебя в молодости. – Посматриваю на маму хитро: – Но ты была ещё ярче! Будто садовая роза.

– Ой, да что ты говоришь, – смущается мама. Прижимает ладони к горящим щекам и косится на дверь родительской спальни. – Какая глупость!

– Вот именно, – вдруг слышу голос папы. – Твоя мама не какая-то там сорванная роза, которая увянет через неделю. Она как сортовой виноград!

– Это как? – прислоняюсь к косяку и смотрю на отца. – Терпкая и сладкая?

– Ох, дочка, – закинув руки за голову, улыбается отец. – Не все ответы на поверхности, не всё в жизни так просто! Твоя мама как виноград потому, что в надёжной и крепкой семье, будто в дубовой бочке, она с каждым годом становится выдержанней и дороже!

– Да что за комплимент такой? – отмахивается мама.

– А мне понравилось, – высовывается из-за её спины Леська. – Ум-м... Мамочка как дорогое вино! Папочка пьянеет от одного вида.

– Алкоголики! – с наигранным недовольством разгоняет нас мама. – Тунеядцы!

– Но-но, – уворачиваясь от полотенца, смеюсь я. – Попрошу без наговоров! Лично я иду денежку для семьи зарабатывать. Смотрю на сестру: – Подвезти?

– А счастье было недолгим, – вздыхает сестра и, желая вернуть владение машиной, с надеждой поглядывает на мать: – Мам, это нормально, что она из реанимации сразу в суд?

– Для её профессии в самый раз, – бурчит отец, снова утыкаясь в газету. – Сама выбрала, пять лет пахала юристом, бралась за такую грязь, на которую другие и смотреть брезговали, сутками не спала. Лучше бы танцам дальше училась, была бы польза.

– Спасибо, папа, – качаю головой. Отец не упускает случая напомнить, что я не послушалась когда-то его и выбрала профессию денежную, чтобы вытянуть семью из нищеты, а не пошла по зову сердца. – Мне моя жизнь очень нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korotaeva_ol-ga/lyubov-bez-sroka-davnosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)